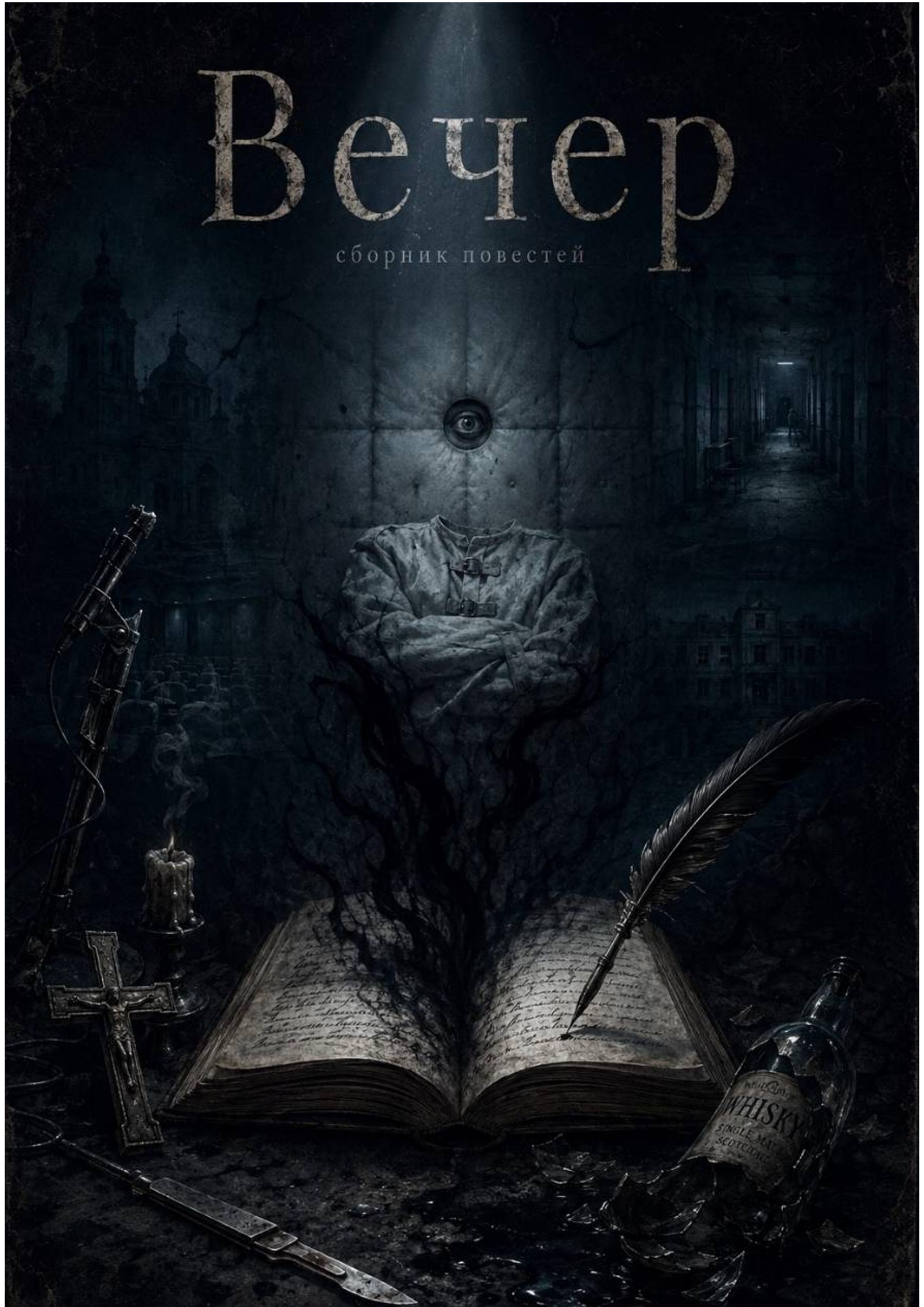

Вечер

сборник повестей

Даниил Ходунов
Сборник повестей "Вечер"

«Автор»

2026

Ходунов Д. А.

Сборник повестей "Вечер" / Д. А. Ходунов — «Автор», 2026

Четыре вечера. Четыре человека. Четыре комнаты, из которых нет выхода. Музыкант, уставший петь чужие песни. Священник, уверенный, что говорит устами Бога. Хирург, переступивший черту собственной совести. Пациент психиатрической клиники, утверждающий, что весь мир — выдумка. Их истории не пересекаются. Но все они задают один и тот же вопрос: что остаётся, когда рушатся привычные смыслы? Кто мы — творцы, жертвы или всего лишь строчки на чьей-то странице? Каждый из них делает выбор. Кто-то — в последний раз. Эта книга — не о спасении. Она о тех, кто идёт ко дну с открытыми глазами. И о том, что даже в самой кромешной тьме можно услышать чей-то голос. Но будет ли поздно? Добро пожаловать в «Вечер». Не надейтесь на хэппи-энд. В сборнике есть финальная повесть "вечер одного пациента", которую отдельно не найти!

© Ходунов Д. А., 2026

© Автор, 2026

Даниил Ходунов

Сборник повестей "Вечер"

Сборник повестей - "Вечер".

Пролог:

Они не знают друг о друге.

Один готовится выйти на сцену, поправляет край пиджака и не чувствует ничего, кроме тяжести в груди. Его песни чужие. Его голос — чужой. Он давно забыл, каково это — быть собой, потому что быть собой никто не просил.

Второй сидит на больничной койке, стянутый ремнями смирительной рубашки, и смотрит в камеру глазами, которые видели слишком много. Он говорит, что весь мир — выдумка. Его не слушают. Или слушают слишком внимательно.

Третий стоит у алтаря, вдыхает запах ладана и верит, что с ним говорит Бог. Он даёт советы, которые ломают судьбы, и каждое его слово — как приговор. Он думает, что спасает. Он ошибается.

Четвёртый склоняется над операционным столом, усталый до дрожи, и решает, чья жизнь стоит его времени. Он не знает, что сегодняшняя выбор станет точкой невозврата. Или знает, но ему всё равно.

Четыре вечера. Четыре комнаты. Четыре одиночества.

Их не связывает ни общий город, ни общее время, ни общая беда. Они живут в разных концах одной и той же реальности — или, может быть, за разными обложками одной и той же книги. Каждый из них однажды задаст себе вопрос: «А существует ли кто-то там, наверху? Кто-то, кто смотрит на меня сейчас? Кто-то, кто держит в руках страницу, на которой я написан?»

Ответа не будет. Или он будет слишком страшным.

В этой книге нет героев в привычном смысле. Есть только те, кто пытается не сломаться до того, как перевернут последнюю страницу. Кто-то успеет спеть свою песню. Кто-то — спасти чужую жизнь. Кто-то — погубить. А кто-то просто будет кричать в белую стену, пока его не услышат.

Но главное — они не знают, что их всего четверо.

И что тот, кто их придумал, уже открыл чистый лист для пятого.

Добро пожаловать в сборник «Вечера».

Не надейтесь на хэппи-энд. И не бойтесь темноты.

Она и так наступает, когда заканчиваются чернила.

Вечер одного священника

— Шарлотта, зачем себя ограничивать? Сама подумай: Бог сотворил нас свободными, вольными делать то, что тебе хочется!

Эти слова прозвучали по ту сторону ширмы, во время исповеди молодой девушки. Огромный, каменно-деревянный храм, возведенный в самые давние времена, казался сейчас живым существом. За окнами бушевал ливень — его яростная симфония вторила мерцанию свечей внутри, создавая атмосферу уединения и душевной интимности. Но в то же время этот полумрак и запах воска давили на совесть Шарлотты, заставляя каждое слово даваться с трудом.

— Но, отец, я не думала... — Она поперхнулась, словно на язык упал горячий пепел, но все же продолжила: — Все вас знают как священника, который имеет особую связь с Богом...

Довольный, с улыбкой во весь рот, в черных очках и с маленькой седой бородкой, священник медленно отодвинул ширму, которая их разделяла. Движения его были неторопливыми, даже величественными.

— Все правильно, дитя мое. Я слышу и вижу то, что другие священники не видят. — Он чуть наклонил голову, и тени на его лице заиграли в такт свечам. — Знаешь, говорят, что открытость своим желаниям — это порок. Поддаться искушению — грех. А может, и нет? Я точно знаю: Господь именно этого и хочет от нас с тобой! Живи, делай то, что нужно делать!

— Отец, вы правда считаете, что я могу совершить измену? — голос Шарлотты дрогнул, но в нем уже пробивались нотки освобождения, как ростки сквозь асфальт.

— А зачем она тебе?

— Я люблю своего парня, даже вижу с ним будущее, но тот музыкант... Роман, восходящая звезда... Меня от одного его взгляда бросает в дрожь. Я работаю в его команде, я стилист, и мне кажется... Он тоже думает о том, о чем и я.

Священник медленно поднялся. Его широкие шаги эхом разнеслись под каменными сводами. Он приблизился к девушке, положил руки ей на плечи и легонько потянул вверх, заставляя встать. Затем, едва коснувшись, поцеловал ее в губы. Их глаза не могли оторваться друг от друга. И в этой странной, почти кошунственной близости он прошептал:

— Дочь моя, запомни на всю жизнь: сделав то, что твоя душа желает — те истинные желания, которые наш Создатель подарил тебе, — ты обретешь счастье!

Девушка, вдохновленная словами духовного наставника, подхватила свою сумку и молча покинула храм. Надежда на благословение переполняла ее, словно ветер парус.

Сам же священник ощутил привычную радость: очередная спасенная душа, которых он спасал ежедневно. Он закрыл маленькую дверь алтаря и подошел к центральной молитвенной зоне.

— Спасибо, Господи, что даешь мне право наставлять заблудшие души, — прошептал он в полумраке. — Я рад и счастлив, что именно мне Ты позволил просвещать темную дорогу людям!

Он стоял у свечей с закрытыми глазами, читал молитвы, и на губах его застыла блаженная улыбка. Но вдруг сзади, с деревянных трибун, донесся тихий, но отвратительно гадкий голос:

— Отец, а разве вы говорили Шарлотте Божью истину?

Священник резко обернулся. Всем своим видом он излучал полнейшее спокойствие, но внутри, где-то глубоко в груди, дикий испуг уже царапал когтями сердце.

— Сын мой, не думал я, что здесь кто-то остался, — он сделал несколько шагов по направлению к алтарю, стараясь казаться хозяином положения. — Быть может, ты пришел причаститься?

Все тем же мерзким, тягучим голосом поступил ответ. Голос принадлежал маленькому, толстому мужчине в острых и тонких очках, которые поблескивали, как лезвия.

— Отец, разве ты сможешь справиться с моими грехами? Думаешь, твоего уровня задача?

Священник ухмыльнулся, хотя холодок уже пробежал по позвоночнику.

— Справиться со своими грехами можешь только ты сам, а я просто помогу тебе. Пойдем за мной.

Когда мужчина поднялся, чтобы направиться в алтарь, начали происходить странности. Огонь свечей, возле которых только что стоял священник, то усиливался, то почти угасал, словно само пламя сомневалось, кому служить. Окна распахнулись от резкого порыва ветра, и в храм ворвалась сырая, холодная стихия. Но священник поспешил списать все на ливень: мол, ветер нагнал, а тот в свою очередь раскачал пламя.

Пока мужчина медленно, с особой грацией, почти танцуя, добирался до алтаря, священник смиренно ждал, пряча за каменным спокойствием нарастающую тревогу. И вот когда ширма разделила их, он начал с прежней отеческой теплотой:

— Ну что, сын мой? Что тебя тревожит?

И снова тот же мерзкий, обволакивающий голос прозвучал в ответ:

— Знаешь, меня обвиняют в грехах своих люди. Но я делаю свою работу, то, что должен делать.

— Какая же у тебя работа?

Мужчина не стал отвечать. Вместо этого — только тихий, леденящий смех.

— Так сын мой, какая же у тебя работа? Что за грехи тебя обременяют? Не бойся, говори как есть!

— Демоны в рубашках, ангелы в трупах, — голос стал ледяным. — Верно понимаю, «служитель Господа»?

Священник замешкался. Перед его глазами, как на киноплёнке, всплыло давнее воспоминание. Двенадцать лет назад, когда он, еще только начинающий свой путь, дал совет одному юнцу во время причастия. Того тогда очень сильно волновал вопрос мести.

— Откуда ты знаешь эти слова? — вырвалось у него, и голос сел. — Иван... это ты?

Мужчина улыбнулся так, что даже через резную ширму эта улыбка обдала священника дрожью. Николаю стало не по себе. Он отодвинул ширму — и замер. Его глаза наполнились страхом. Он снял очки, протер их, но в алтаре по-прежнему сидел только он сам.

Священник выбежал из-за перегородки, надеясь увидеть, куда пропал странный визитер. Но ужас потряс его еще сильнее: окна, которые только что выбивал ветер, были крепко заперты, а огонь свечей стоял ровно, будто и не было никакого шторма.

Николай посмотрел на часы и подумал с нервной усмешкой: «Пора спать. Видимо, я уснул и не заметил, как он ушел... Да и вообще, скорее всего, никого не было. Приснилось. Откуда бы кому-то знать мои слова... Мой совет... Нет, совет Божий, переданный через меня».

Та ночь закончилась. Священник спокойно добрался до дома, но почти до рассвета в его голове не умолкали тревожные мысли. Он вновь и вновь прокручивал события двенадцатилетней давности: с того самого момента он понял, что он — особенный, что может решать судьбы людей через Божий совет. «Демоны в рубашках» — это злостные грешники, остающиеся безнаказанными. «Ангелы в трупах» — истинные носители веры, которым суждено лежать в крови и телах поверженных. Такой совет тогда, в семнадцать лет, получил Иван. И последовал ему. Он забил камнем трех своих недругов и получил пожизненный срок.

Уже ближе к вечеру следующего дня Николай проводил службу. В храме присутствовали постоянные прихожане и пара новеньких, пришедших за советом. Один из них — высокий мужчина — был настолько замкнут своей проблемой, что долго не решался подойти. Но священник заприметил его еще во время службы, а по окончании сразу же направился к нему.

— Приветствую тебя, сын мой. Вижу, тебя гложет грех. А может, покушение на грех? Расскажешь мне?

Высокий мужчина поднялся из-за трибун. Он оказался на голову выше Николая, но на фоне священника выглядел неуверенным, потерянным мальчишкой.

— Отец, моя фамилия Соколов, я врач, хирург. Мне нужен ваш совет. Говорят, вы помогаете в спорных нравственных ситуациях.

Священник с мягкой улыбкой указал рукой на алтарь и, чуть приобнимая, проводил хирурга к исповедальне. Ритуал был соблюден: ширма встала между ними. Николай начал задавать вопросы:

— Сын мой, как тебя звать?

— Дмитрий Соколов, — неуверенно ответил тот.

— Димка, что же тебя привело ко мне?

— Можно, я выскажусь, а после вы уже дадите свой совет?

— Конечно. Так мы и поступим.

Хирург обрисовал ситуацию. Сегодня к нему поступила пациентка: женщина в возрасте, допустившая сильное гниение ног из-за наркотической зависимости. Обе ноги практически отказали. Сейчас она в коме после передозировки. Из родственников — только маленькая пятилетняя дочка, которую уже забрала опека. Дееспособных родных нет. Принять решение некому. Вылечить можно, но трудоемко, и платить некому. Дмитрий сказал прямо: «Легче всего будет отрезать обе ноги».

— Сын, ты сказал — можно вылечить? — переспросил священник.

— Да, отец. Но только я могу ей помочь. Больница не станет оплачивать операцию. Я мечусь в сомнениях... Я могу ей помочь, но заслуживает ли эта наркоманка этого?

После этих слов руки и ноги Дмитрия затряслись. Внутри него разгорался настоящий нравственный пожар. Но все же нежелание помогать перевешивало — именно это и съело его изнутри.

— Ну спасешь ты ее, а что дальше, сын мой? — голос Николая стал вкрадчивым. — Она собой испортит жизнь своей дочке. Маленькому ангелу.

Хирургу показалось, что он ослышался. Он очень удивился: идя сюда, он ожидал услышать осуждение за то, что вообще подумал о таком выборе.

— Простите, отец, что вы сказали?

— Знаешь, Димка, мертвого не поднимешь — он уже мертв. Так же и с падшими душами. Мы все прекрасны по роду своему, но есть те, кто погрузился во тьму и обязательно погрузит других.

— И мне надо помешать этому? Вы к этому клоните?

— Я, сын мой, клоню к тому, что если Боженька дал тебе шанс избавить его прекрасный мир от черни... так отрежь ей ноги. И она уже никому не навредит собой.

Хирург испытал облегчение. Поддержка со стороны Господа — а он не сомневался, что говорит устами священника именно Всевышний — накрыла его с головой. Он скромно поблагодарил и покинул храм.

Но вместе с хирургом в храме оставался еще один новый посетитель. Красивая, длинноногая девушка в пышном, но довольно коротком платье. Она стояла у свечей и молча смотрела на божественные гравировки на стене.

— Добрый вечер, дочь моя, — обратился к ней Николай. — Впервые вижу вас здесь. Может, вы хотите выговориться мне?

Не отводя взгляда от каменных ликов святых, девушка ответила:

— Когда ты осознал, что избран Богом?

Священник принял это за комплимент и, улыбнувшись, ответил:

— Уже больше двенадцати лет назад я услышал Господа. Он дал мне право решить судьбу одного юноши своим советом. И с тех пор я понял, что избран.

— Интересно... И что же Господь сказал?

— Точно уже не помню, дочь моя. Давно это было. Но знак был явен, как солнце на рассвете!

Девушка наконец повернулась к нему и сделала шаг на сближение.

— Как считаешь, все ли в этом мире выполняют свои функции, свой долг правильно?

— Нет, дочь моя, — с готовностью ответил священник. — Но все же по воле Господа нужно стремиться к этому. Куда твой путь проложит Боженька, так будь волен исполнять его добросовестно.

— Так почему ты решил, что ты особенный? — спросила она, сделав еще шаг.

Не успел Николай ответить, как девушка прервала его поцелуем. От неожиданности он закрыл глаза — и вместо темноты перед его внутренним взором замелькали отрывки видений.

Сначала он увидел хирурга, который только что сидел у него на исповеди: Соколов отрезает ноги беспомощной женщине. Следом — маленькая девочка, которая смотрит на свою мать, уже никогда не ставшую прежней, и плачет. Последний отрывок оказался самым страшным: покалеченная женщина, потерявшая тягу к жизни, кладет на себя руки.

Священник в ужасе открыл глаза. Губы девушки отсоединились от его губ. Перед ним никого не было.

Он опешил, пошатнулся и оперся о деревянную трибуну, пытаясь отдышаться.

— Что это было? — прошептал он в пустоту. — Неужели Боженька снова приходил ко мне? Он указал, что я на верном пути?

На эйфории, раскаленной докрасна, он подошел к алтарю, чтобы закрыть дверцу. И замер. На обратной стороне, на лицевой части дверцы, красными буквами, будто свежей кровью, было выведено:

«Каждый выполняет свой долг, и каждому воздастся по заслугам».

— Точно, теперь точно! — Он упал на колени, и слезы восторга смешались с испариной на лице. — Боженька, спасибо, что явился снова! Спасибо, что указал мне: мой путь верен!

Снова день сменился ночью. Священник снова направился на свою обожаемую работу, которая теперь стала для него еще дороже. Провел службу, выслушал всех желающих, и под самую ночь, выдохнув, сел.

— Боженька, спасибо еще раз за вчерашнее. Жить стало легче. Легче стало помогать. Я донесу каждому, кто захочет, Твои истинные намерения!

Главные двери храма с гулким скрипом открылись. Священник от неожиданности дернулся и обернулся. В храм зашел мужчина: красиво одетый, в черный смокинг, легкая щетина, высокий рост, достаточно стройный. Он шел по центральному проходу так, будто вошел в собственный дом — стремительно, властно, не оглядываясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.